

В последний день работы школьной площадки стояла адская жара — градусов тридцать пять. Директор лагеря отлучилась в районо, обещав вернуться к обеду. Это обстоятельство немного напугало Нину Егоровну.

Выручил ее школьный историк, мужчина двадцати восьми лет с подростковым характером. Сняв рубаху, Михаил Юрьевич затеял обливание водой, которое вскоре приняло массовый характер. Леек и пластмассовых бутылок, слава богу, хватало, однако технички не очень-то допускали детей до кранов. Даже Михаила Юрьевича неучтиво прогнали.

По счастью, школа стояла в частном секторе, близ колонки. Туда-то и понеслась алчущая воды орава. Но опоздала. Пост прочно заняла Нина Егоровна. К водокачке то и дело подкатывали машины частников, под завязку набитые пустыми бидонами и канистрами.

То ли школьники робели перед чужими, то ли чувствовали твердую руку Нины Егоровны, однако гости отчаливали с полными бидонами, и лишь затем учитель-логопед, работая рычагом, наполняла бутылки и лейки. В ту минуту Нине казалось, что ей не сорок четыре, а от силы четырнадцать...

После обеда детей распустили по домам, разделив между воспитателями оставшиеся десерты — йогурты, вафли и яблоки, Нина с последней оставшейся коллегой — та работала социальным педагогом — сидела на горячем боковом крыльце школы и караулила последних первоклассников (тех должны были забрать родители).

Мальчики скромно рисовали в тени, на асфальте, каких-то монстров, один страшнее другого, а Нина из какого-то запоздалого кокетства втолковывала молодой коллеге, что у нее, у Нины, характер первобытной женщины, а значит, все дети ее и все мужчины тоже ее — разумеется, кроме тех, кто откажется.

Наконец детей разобрали, и Нина, нагруженная, как верблюд, наглядностью, вафлями, йогуртами и яблоками, на двух автобусах поползла домой.

Издавна она любила ходить через двор Нархоза. В школе ей плохо давались точные науки, а сейчас ей казалось, что, лавируя между рядами золотой молодежи, она каким-то мистическим образом становится умнее.

К тому же во дворе росли молодые дубки, похожие, по молодости, скорее на кусты, чем деревья. Резные листья напоминали Нине детство, юг, санатории... Она опустила на скамейку подле дубков, достала яблоко...

Погруженная в свои мысли, Нина и не заметила, что во дворе происходят ремонтные работы. Сейчас рабочие как раз прервались на перекур. От стайки

курящих отделился невысокий худощавый человек в комбинезоне защитного цвета, перетянутом широким солдатским ремнем. Полуседую голову обнимала черная пиратская бандана с Веселым Роджером. На костистом треугольном лице отточенными буравчиками сияли золотисто-серые глаза. Ключковатая седая борода по-боевому торчала вперед. Нине показалось, что она снова на детской площадке...

Господи, поразилась Нина, а ведь ему уже сорок девять. Сколько же лет прошло с того, единственного, раза? Четырнадцать? Мне было тридцать, ему тридцать пять... Он весенний, я летняя...

Почему он, которого Нина полагала будущим классиком, не стал заметным поэтом?

Впрочем, на этот вопрос ответить было нетрудно. Субъект, четырнадцать лет назад управлявший западным союзом, на словах декларируя демократические принципы, в жизни не терпел противоречий. Собираясь на постоянное жительство в Москву, руководитель демократического союза авторитарным тоном заявил:

— Редактором журнала «Золотой абажур» должен стать Альберт З.!..

Тридцатипятилетний, тогда еще златовласый, хоть и незаметно седеющий после турпоездки в Индию, поэт-прозаик резко откинулся на стуле. Стул протестующе закрипел. Однако голос поэта остался почти спокойным.

— Нет. Данный пост не для меня.

Пожилой поборник демократии сдвинул густые брови.

— Почему же?

— Я не смогу работать с людьми, сдержанно указывать им на промахи. Лучше всего искусству, литературе учат посредственности. Они сами учились на своих ошибках. Они не презирают других. А у меня, извините, природный дар. Я сорвусь, критикуя первую же серость. Не первую, так вторую.

Видимо, Альберт в суете забыл, что местный зубр сам лет десять возглавлял журнал «Золотой абажур»... Похоже, за этот срок терпение борца за демократию истощилось...

— Вы ничего не смыслите в литературе, молодой человек!.. Нет такого понятия — природный дар! Есть только многолетний кропотливый труд!.. Именно он делает из посредственности творца!.. А ваша неблагодарность...

Альберт, не отвечая, встал, повернулся и вышел. Нина не тронулась с места.

Полгода назад, лежа в постели, она позволила себе фразу: — Ты — будущий классик... А я всего лишь литературный ремесленник...

А в ответ послышалось:

— Тебе до литературного ремесленника как до луны пешком...

Нет уж, подумала Нина, сидя на литературном собрании. Хватит беготни. Без меня утешится.

2

Многие годы Нине снился сон: они с Альбертом лежат около хрустального искрящегося фонтана. В чаше плавают золотые рыбки. На Альберте (даже во сне он оставался по-тевтонски белокурым) — шаровары, ятаган у пояса... Сверху ничего надето не было. Нина отлично помнила лепные мускулы поэта, столяра, ролевика-реконструктора... На Нине — расшитый блестками костюм для восточных танцев, хотя никакими танцами Нина сроду не занималась...

Альберт кормит Нину рахат-лукумом, а сам не ест — смолоду следит за фигурой... В том сне Нина была рабыней...

Были, что греха таить, и другие сны, где Нина была госпожой. Эти сны Нина тайком записывала в блокнот, не решаясь выложить в Интернете.

«Росио присмотрелся. Невысокая, плотная дама, брюнетка... Надо переломить себя... Хотя.... Поможет ли?...

— Госпожа, — надо было сказать «умоляю», но у Росио язык не поворачивался. — Прошу вас... Купите мою жену и сына... Они пропадут без меня... Я отработаю...

— Отработаешь? — хозяйка взяла Росио за руку, стала наглаживать большим пальцем ладонь. Невольник вымученно растянул губы.

— Все, что пожелаете... Скорее, умоляю... Перекупят!..

— Ладно, попробую...»

Ох!.. Знал бы Руслан Юрьевич Дорошевич, детский психиатр двадцати восьми лет, к которому Нина периодически возила на консультации мамочек с детьми, что шапочная знакомая такое про него пишет!..

Медлительный улыбчивый брюнет, он, как и Альберт, носил бородку. Писал чернильной ручкой с золотым пером. Обожал фотографироваться вместе с пепельно-новолосой подругой жизни и годовалым сыном. Часто интернет-фото тоже были костюмные — супруги Дорошевич оба были ролевиками, хоть и годились тому же Альберту в дети. Кажется, Альберт даже учил Руслана фехтованию на мечях. Вряд ли Руслан и Альберт в своих разговорах хоть раз упомянули Нину. Других тем хватало.

Альберт был откровенно хамоват, Руслан — безукоризненно вежлив, вежлив настолько, что деликатность защищала его получше стальной брони — по крайней мере, от женщин. Впрочем, Нина и не пыталась раскрутить его на что-то серьезное. Не хватало только перепугать нужного человека.

Впрочем, когда Нина в последний раз общалась с Русланом, ей померещилось, что лед тронулся. Молодой психиатр, как правило, усаживал рядом с собой испытуемого ребенка. За соседним столом, напротив врача, сидела медсестра, которая допрашивала мамочку о том, как ребенок рос и развивался. Последний раз мать попала настолько бестолковая, что ее место пришлось занять Нине.

Таким образом, Нина села наискосок от Руслана. Глаза их встретились. Нина заметила у молодого врача седой волос — видимо, сынуля спать не давал. И Нина решила попытать счастья.

— Руслан Юрьевич... Я слабо разбираюсь в шифрах... Если что, можно будет проконсультироваться с вами в компьютере? В контакте или еще где-нибудь...

— Разумеется, — широко, завлекаяюще улыбнулся врач. — Мы же с вами почти родные!...

Что это было? Невинная полудетская игра? Желание доставить радость симпатичному человеку? Или же нечто большее?..

3

Сейчас же, при виде Альберта, Нина и не вспомнила о Руслане.

— Яблоко будешь?

— Нет, спасибо.

— Ты сейчас пишешь?

— Да так, путевые заметки, закадровые сценарии для ролевых студий...

— Не печатаешься?

— Да где у нас печататься? Что ни журнал, то дерьмо!..

— А ты в Хабаровске, в «Дальнем Востоке!»

— Да кому это надо — на краю Ойкумены!..

— Не знаю. У меня там пять рассказов напечатали. Или шесть...

— Дай бог...

— У меня еще покойный Борис Стругацкий успел один рассказ напечатать.

В Питере...

То ли терпение Альберта истощилось, то ли он решил проверить на Нине свои способности гипнотизера, покорителя женщин.

— Стругацкие — очень слабые писатели! Они всю жизнь перепевали американцев!..

— Бог с тобой, золотая рыбка! Они как раз писали о советских проблемах! Или ты их вообще не читал?

— Три страницы одолел... уже не помню, какой текст попался... А проблемы везде одни: денег нет, есть нечего, одеться не во что... А социализм или капитализм — для обычного человека дело десятое...

— Слушай, у тебя прежний домашний телефон? — закинула удочку Нина.

— Не помню...

— Какой у тебя сейчас домашний?

— Не помню... Шесть цифр — это непосильная нагрузка для моей памяти...

— Может, сотовый дашь?

— Что ты! Одиннадцать цифр — это вообще неподъемно!..

— Отмазаться решил?

Альберт фыркнул.

— Господи, мало мне Школы...

— Школа — это кто?

— Химик, ролевик... Короче, мой первый.

— А что он сделал? Сейчас-то?

— В контакте кое-как добавил в друзья. Поздравила с днем рождения, так не ответил.

— Нашла о ком жалеть! Ничтожество с пробором, как у приказчика!..

— Талантливый ученый, между прочим...

— Таких много бегают...

— Боже, до чего у нас разные вкусы!..

— А то!..

— А меня ты, наверное, терпишь только как внимательного слушателя?

— Кто сказал, что я вообще тебя терплю?

— Но ты же стоишь, разговариваешь и не уходишь!..

— Сейчас уйду!..

Нина развела руками.

— Что ж, я не могу противиться воле гения...

— Слава богу, ты хоть что-то понимаешь... В литературе, в жизни...

Нина решила, что пора сменить тему.

— Слушай, ты ведь общаешься с молодежью? Учишь фехтованию, и все такое?

— Ну да.

— Фамилия Дорошевич тебе о чем-нибудь говорит? Детский врач-психиатр.

— Руслан? Знаю.

— Он-то, надеюсь, не противный?

Альберт задумался.

— Чересчур гламурный, конечно... Однако мечом владеет. Нет, его терпеть можно.

Тут уже Нина сообразила, что рискует сболтнуть лишнее, и поспешила откланяться. Покоритель женщин не возражал.

Придя домой, Нина первым делом открыла Интернет и набрала на Яндексе Альберта. Сначала Нина обнаружила «В контакте» запись двухлетней давности. Поэт, воин, столяр приглашал всех желающих на позапрошлый день рождения, бесстрашно выкладывая в сети домашний адрес и сотовый телефон.

Странно... Пару месяцев назад Нина наткнулась в Интернете на сотовый Руслана, но позвонить не решилась.

Альберт пугал ее меньше. Не женатый, почти ровесник, да и не совсем уж чужой...

Возможно, обнимая Альберта, Нина, закрыв глаза, представила бы себе Руслана... Так или иначе, вскоре Нина отправила Альберту смс.

«Скрывайся, чудо, шифруйся...»

Ответ не заставил себя ждать.

«Не узнал по номеру».

«Мы сегодня виделись», — напомнила Нина.

«Я видел многих людей», — откликнулся собеседник.

«Припомни библейский сюжет», — настучала Нина. Вспомнил Альберт про яблоко или нет, однако он каменно замолчал...

С горя Нина начала искать Альберта на Фейсбуке. Там поэт был представлен в черном бархатном костюме с широким белым воротником — видимо, как член клуба исторических танцев. Вокруг немолодого спортсмена толпились юные девушки, по виду совсем подростки, в радужных туалетах под старину.

Да... Было чему позавидовать. К селу ли, к городу, вспомнилась поговорка — мужчина старым не бывает...

И тут взгляд Нины заплулся. Под фотографией размещалось стихотворение — явно авторское.

*В темном вечернем саду не вздохну —
Пачкают годы, как грязь.
В Индии я стяжал седину,
А ты еще не родилась.*

*Ты не жена мне, ты мне не дочь,
Ты — как потерянный рай.
Смерть одолев, как черную ночь,
Я догоню тебя, знай!..*

Эх, подумала Нина, чему я завидовала?.. Ну, выются вокруг него молоденькие стрекозки, а та, единственная, бабочка-махаон, или предпочла другого, или совсем уж мала... Ведь есть же подростки-звездочки... Сколько ей может быть? «В Индии я стяжал седину, а ты еще не родилась...»

Когда же Альберт штурмовал Гималаи? В тридцать? А этой девушки еще не было на свете... Значит, ей... семнадцать? Восемнадцать? А ему почти пятьдесят...

И какая чистота помыслов! Альберт, в отличие от Нины, так и не пожелал заполучить избранницу в рабство... Скорее уж он готов пройти через смерть и родиться заново...

Неужели это удел сорока-, пятидесятилетних — мечтать о молодых и несвободных, а то и вовсе о юных?

Может, кому и везет...

Ну и хорошо, что не ответил, внезапно подумала Нина. Даже если бы мы снова обрели друг друга — ох, ненадолго! — я, закрывая глаза, представляла себе Руслана, а он — эту безымянную малолетку.

А толку-то...

И Нина выключила компьютер.

